

А. С. Козловым (Свердловск) был прочитан доклад «Основные направления современного византиноведения в Австрии». Констатируя по преимуществу филологический и источниковедческий характер изысканий «Венской школы» византинистов, докладчик отметил возрастание там исследований в области вспомогательных дисциплин (кодикология, сигиллография и т. п.); вместе с тем в австрийской византистике отчетливо проявляются попытки проследить социальный фон зарождения и функционирования изучаемых памятников.

На заключительном пленарном заседании сессии были заслушаны доклады К. В. Хвостовой (Москва) «Современный контент-анализ и поздне-византийские нарративные источники (на материале византийской историографии XIII в.)», С. П. Карпова (Москва) «Из истории культуры Трапезундской империи. Георгий Амерутци» и И. П. Медведева (Ленинград) «К вопросу о солнечном культе в философии Плифона (по материалам изучения плифонских автографов Марганы)».

К. В. Хвостова рассмотрела некоторые вопросы философии истории у Григоры и Пахимера. В отличие от тех византинистов, которые считают, будто высказываемый в трудах Григоры и Пахимера взгляд о возможности предвидения будущего на основе знания о настоящем является всего лишь общим местом мировоззрения византийских историков, К. В. Хвостова полагает, что эти представления отражают сущностные, характерные черты восприятия византийскими историками действительности. Высказывая идею предвидения будущего, византийские историки, по мнению докладчицы, рассматривают общественное развитие как вероятно-случайностный процесс. Используя свойственный той эпохе понятийный аппарат, они в своеобразной форме выражают ту мысль, что случайное событие, с одной стороны, есть результат совпадения многих факторов, а с другой — проявление необходимой тенденции. Но случайное не безгранично, существует поле возможностей, а именно набор добродетелей, которым должен располагать правитель (щедрость, благочестие и т. п.). У византийских историков можно обнаружить и идею вероятности происходящих событий. Это — судьба, вмешательство которой вносит неопределенность в деятельность людей и делает предвидение будущего лишь вероятным. Именно представления византийских историков о вероятностно-случайном характере общественных явлений, отражая сущность их исторического мышления, могут быть использованы при наглядной репрезентации информации в соответствии с требованиями современной информатики.

С. П. Карпов попытался охарактеризовать некоторые типологические особенности формирования и развития культуры Трапезундской империи в XIII—XV вв. на основе анализа творчества видного трапезундского ученого XV в., философа, математика, географа, поэта, ритора и государственного деятеля Георгия Амерутци. В мировоззрении и политической ориентации Амерутци, как показал докладчик, нашли свое яркое отражение противоречия той сложной эпохи: отстаивая индивидуалистические концепции, придавая большое значение опытному знанию, а также глубокому изучению как платоновского, так и аристотелевского философского наследия, Амерутци разрабатывал многие проблемы, изучавшиеся итальянскими гуманистами тех лет; он прошел путь от латинофильства к антиуниатству, от участия в создании антиосманской коалиции государств Ближнего Востока во главе с Трапезундской империей к прямому туркофильству. И в творчестве, и в самой личности Амерутци проявился, по мнению С. П. Карпова, кризис традиционной морали византийского общества.

И. П. Медведев, полемизируя с итальянским ученым Э. Гареном и его последователями, привел новые данные, свидетельствующие о том, что нет оснований называть Плифона «пророком и верховным жрецом» соляристской идеологии в эпоху Ренессанса, а его религиозный культ — «платонизирующим солнечным культом». На основе изучения плифонских ав-